

НЕКРАСИВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

УИЛЬЯМ ЛЕДЕРЕР

и ЮДЖИН БЭРДИК

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

„ДЖАЗИСТ“

СРЕДИ служащих военно-воздушных сил США есть человек с невероятным именем — Эдвин Б. Хилландейл. Буква «Б» означает Барнум. Полковник Хилландейл принадлежит к числу тех счастливых и особенных людей, которые могут всю ночь пить и танцевать, а в восемь часов утра являться на работу свежими и отдохнувшими. Однако полковник редко пил, зато танцевал ночи напролет. Около двух часов ночи, незадолго до окончания вечера, он обычно выходил на эстраду и присоединялся к оркестру, играя на своей гармонике перед микрофоном.

Но не только джаз доставляет полковнику удовольствие. Он любит поесть и побыть в обществе людей самых разных.

В 1952 году полковник Хилландейл был послан в Манилу в качестве офицера связи при какой-то миссии. Очень скоро Филиппины очаровали его. Питался Хилландейл в маленьких филиппинских рестораниках, поедая огромные порции адобо, пансита¹ и риса и запивая их местным ромом стоимостью по два песо за пинту. Он интересовался всем филиппинским, а в свободное время даже посещал университет и изучал тагалогский язык.

Полковник Хилландейл стал одной из достопримечательностей Манилы.

Политики нежно называли его «дон Эдвин», шоферы такси, торговцы и официанты — «американ-иллюстратор», что означает «знаменитый американец», музыканты — «джазистом», а советник американского посольства всегда говорил о нем как о «сумасшедшем ублюдке».

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 1 за 1964 год.

¹ Адобо, пансит — национальные филиппинские кушанья.

Однако через шесть месяцев «сумасшедший ублюдок» уже завтракал с Магсайсаем и вскоре стал его неофициальным советником.

Летом 1953 года Магсайсай вел кампанию за свое избрание на пост президента. Он разъезжал по Филиппинским островам, и его всюду встречали с энтузиазмом. Всюду — за исключением одной провинции к северу от Манилы, где особенно хорошо поработали коммунистические агитаторы. Красным удалось убедить местное население, что проклятые американцы — это богатые разжиревшие снобы и каждый, кто связан с ними, например Магсайсай, вряд ли способен понимать проблемы и трудности филиппинцев.

Специалисты в вопросах политики предсказывали, что Магсайсай не соберет здесь нужного количества голосов.

В одну из суббот в эту провинцию выехал друг Магсайса полковник Хилландейл. В главный город ее Куэнко он прибыл около половины двенадцатого, и горожане увидели нечто такое, чего ранее никогда не видывали. На красном мотоцикле, на бензиновом баке которого черными буквами было написано «джазист», в Куэнко въехал высокий и стройный, рыжеволосый и большеносый полковник американской военной авиации. Он проследовал по главной улице до наиболее оживленной ее части, сошел с мотоцикла, оправил на себе форму, после чего не спеша направился к одному из ближайших общественных зданий и уселся прямо на тротуаре. Приветственно помахав всем рукой и улыбнувшись, он вынул губную гармонику и начал громко и весело наигрывать любимые филиппинские мелодии. Первые несколько тактов он исполнил в классической манере, а последние — в стиле джазовой музыки. Минут через пятнадцать полковника уже окружало человек двести. Они наслаждались музыкой, но на исполнителя, который казался им самым богатым из американцев, посматривали с подозрением.

Полковник Хилландейл заиграл «Посадка риса никогда не бывает забавой». После нескольких тактов он остановился, взглянул на зрителей и сказал по-тагалогски: «Ну, а теперь все вместе!» Про-

пев высоким тенором начальные слова песни, полковник прижал гармонику к губам и заиграл как можно громче и благозвучнее. Вскоре пела вся толпа — около трехсот филиппинцев, — тесным кольцом окружившая этого странного человека. Многие из присутствующих, расталкивая других, пробирались поближе, чтобы взглянуть на необычного музыканта.

В двенадцать часов церковные колокола зазвонили к обеду. «Джазист» положил гармонику в карман и встал.

— А ведь я голоден, — заявил он, — и не возражал бы заняться адобо и панситом.

Филиппинцы стали смущенно переглядываться.

«Джазист» в форме полковника обвел своих слушателей взглядом.

— Надеюсь, кто-нибудь из вас пригласит меня позавтракать? У меня нет денег.

— У вас нет денег? — переспросил один из филиппинцев.

Полковник сунул руку в карман, вытащил и раскрыл бумажник. Он и в самом деле был пуст. Затем из другого кармана Хилландейл вынул несколько мелких монет.

— Шестьдесят сентаво.

— Но американцы богаты.

— Я к ним не принадлежу.

— Вы шутите!

— В Америке, как и у вас на Филиппинах, тоже есть бедняки. — Полковник по-прежнему говорил по-тагалогски.

— Но вы же полковник американских военно-воздушных сил. Мне известно, что вы получаете около двух тысяч песо в месяц.

— Верно. Это большие деньги, но и трачу я много. В Америке у меня жена и трое детей. Сколько здесь стоит бутылка рома?

— Два песо.

— А в Америке шесть.

— Честное слово?

— Да. А сколько в месяц вы платите за аренду дома?

— Сорок песо.

— В Америке мне приходится платить за маленький дом двести сорок песо. Дешевле я ничего найти не мог.

— Но это же невероятно!

Толпа молчала.

— Знаете, это становится неудобным, — спокойно заметил полковник. — Я еще никогда не встречал филиппинца, который отказал бы голодному человеку.

— Вы поедите у меня в доме! — воскликнул один из филиппинцев, протискиваясь сквозь толпу.

— Нет, у меня!

— Я владелец ресторана на углу. Вы пойдете со мной.

В сопровождении десяти филиппинцев полковник направился в ресторан. Они поели адобо, пансита и риса и запили филиппинским ромом и пивом «Сан Мигуэль». Под аккомпанемент гармоники «джазиста» филиппинцы спели много песен. После завтрака они пригласили его побывать у них в следующую субботу. Он согласился и стал проводить здесь каждую субботу.

Прошло некоторое время, и никто в этом районе больше не верил, что американцы — богатые и разжиревшие снобы. В конце-то концов их «джазист», который так хорошо играл на губной гармонике, тоже был американец да еще полковник военно-воздушных сил США.

ПОЛКОВНИК американской военной авиации Эдвин Б. Хилландейл из города Саванна в штате Джорджия, тихонько наигрывая на губной гармонике, шел по улице Белого крокодила в Хайдо. Он пытался выучить сарханский государственный гимн. Каждые несколько минут полковник останавливал кого-нибудь прохожего и проигрывал ему свой вариант мелодии. Затем, жестикулируя, шутя и смеясь, полковник уговаривал сарханцев вполголоса пропеть ему гимн.

Но изучение сарханского государственного гимна вовсе не составляло в данное время единственного занятия полковника. До возвращения Макуайта из поездки Хилландейл, как он сам говорил, «присматривался к тому, чем дышит городишко». Послу Макуайту, сменившему Луи Сирса, удалось заполучить сюда Хилландейла из Манилы на два месяца. Полковник обратил внимание на то, что в городе много вывесок ростовщиков, и сделал отсюда вывод о тяжелом материальном положении местных жителей. Он видел много лавок, где продавались бетель, табак и местные лекарства. Однажды он заметил, как в одной из них продавец передал что-то покупателю из-под прилавка, и догадался, что здесь торгуют также и опиумом. Он проходил мимо фруктовых палаток, где возвышались горы красных гранатов, золотистых грейпфрутов, розовато-коричневых бананов, зеленых яблок, мимо бродячих торговцев с огромными корзинами пряно пахнущих цветов. Но особенно бросилось в глаза полковнику обилие вывесок хиромантов и астрологов. Помещения с такими вывесками выглядели чистыми, элегантными и респектабельными, что делало их похожими на приемные модных врачей в Америке. Из надписей на вывесках следовало, что все эти астрологи и хироманты имеют ученые степени докторов.

«Прекрасно! — подумал полковник Хилландейл. — Наконец-то я попал в такое место, где будут рады моим любимым занятиям в часы досуга. Как хорошо, что я захватил с собой астрономический календарь, астрологические таблицы и логарифмическую линейку! Если бы мне удалось еще разыскать свой диплом об окончании Чунцинской школы хиромантии, вот бы славно я подработал тут!»

Затем полковник сыграл на гармонике «Насвистывающего поросенка» — мелодию, которую он исполнял только в особых случаях, например 14 марта прошлого года, когда получил чин полковника, и при других из ряда вон выходящих обстоятельствах.

Насмотревшись на Хайдо, полковник вернулся в американское посольство и приступил к чтению. Он прочел биографии всех сарханских политических деятелей и много разных докладов с анализом современной политической обстановки. Он провел за чтением несколько дней и, вероятно, нескоро прекратил бы это занятие, если бы ему не помешал заведующий протокольным отделом посольства.

— Скажите, полковник, ваше прозвище «джазист»?

— Так меня зовут в Маниле.

— В таком случае именно вы мне и нужны. Завтра филиппинский посол устраивает обед, на кото-

рый приглашены и вы. Я уже принял за вас приглашение. Мне кажется, посол Родригес особенно хотел бы...

— Ага, значит, старый сыч, дон Фелипе, все же ухитрился получить этот пост! Конечно, я буду. Надеюсь, он захватил с собой несколько ящиков ту-бы², пива «Сан Мигуэль» и парочку тех хорошеньких горничных, которые работали у него в Маниле...

— Так, значит, в восемь часов вечера,— поспешно напомнил заведующий протокольным отделом,— в черном галстуке. Приезжайте пораньше. Будут премьер-министр, министр иностранных дел и еще несколько сарханских чиновников.

— У вас есть список приглашенных?

— Я достану его для вас.

На обед к филиппинскому послу прибыли все приглашенные, так как дон Фелипе уже успел зарекомендовать себя любезным и гостеприимным хозяином. Ходили слухи, что он переманил своего шеф-повара из гостиницы «Уолдорф» и платил ему тридцать тысяч песо в год. Так ли это было—кто знает, однако этот повар сделал стол дону Фелипе знаменитым на всю Азию.

Около часа гости занимались коктейлями и закусками. Затем к дону Фелипе подошел слуга и что-то шепнул ему на ухо. По лицу филиппинца пробежало облачко досады, на лбу появились складки. Подумав минуту, дон Фелипе подошел к полковнику Хилландейлу и кивком головы отозвал его в сторону.

— Слушайте, дружище,— сказал он,— стряслась ужасная беда. Первым блюдом сегодня на обед предполагалось подать филе из морского окуня в маринаде. Рыбу поймали днем мои собственные рыбаки. Однако Анри сейчас сообщил, что у него нет имбиря и пройдет полчаса, пока он достанет его. Следовательно, мне нужно протянуть время. Вы помните тот трюк с хиромантией, что проделали у меня дома в Багио? Может быть, вы...

В голове «джазиста» зазвучала мелодия «Насвистывающего поросенка».

— Конечно, дон Фелипе,— ответил он,— с удовольствием. Сегодня я как раз в самом подходящем настроении. Влажность воздуха сейчас хороша, а Венера находится по отношению к Луне...

— В таком случае пошли!— воскликнул дон Фелипе, помолодев сразу лет на пять.— Мне все равно, какую чепуху вы будете болтать, лишь бы вам удалось занять на полчаса гостей.

— Чепуху? Дон Фелипе, вы меня обижаете!

Филиппинский посол постучал по стакану ложечкой и, когда все присутствующие повернулись к нему, сказал:

— Леди и джентльмены! Среди нас находится один из самых выдающихся хиромантов и астрологов.— Тут посол сделал паузу. Американцы засмеялись, а некоторые из них, в том числе временный поверенный в делах США в Сархане Джордж Свифт, начали выкрикивать: «Жульничество! Обман!» Эти возгласы несколько смутили сарханцев, но все же они с интересом вытянули шеи, ожидая, что скажет посол дальше.

— Этот выдающийся человек,— продолжал дон Фелипе,— мой старый друг и коллега, полковник американских военно-воздушных сил Эдвин Хилландейл. Он единственный белый, окончивший Чунцинскую школу хиромантии. Я много раз присутствовал на его сеансах и слышал, какие удивительные,

прямо-таки фантастические предсказания он делал. Помню, однажды он читал по линиям руки нашего министра обороны Рамона Магсайся и составил его гороскоп. «Джазист», как мы ласкательно называем полковника, предсказал ему, что шестнадцатое число месяца явится его счастливым днем, если он окажется в тот день поблизости от Баранга. Любопытства ради Рамон отправился в Баранг— городок в провинции Илокос Норте. И в этом городе в тот день войска Рамона окружили и захватили вожakov страшных хуков. В результате все движение хуков развалилось.

Сарханский премьер-министр и министр иностранных дел понимающе кивнули друг другу. Джордж Свифт расхохотался и ударил себя по колену.

— Я попросил «джазиста» погадать кое-кому из вас после обеда, но он заявил, что астрологические условия наиболее подходящи сейчас, когда Венера занимает самое благоприятное положение по отношению к Луне. Следующие тридцать минут—наилучшее время для гадания, а мой шеф-повар обещает задержать обед на эти полчаса. Леди и джентльмены, позвольте вам представить полковника Хилландейла!

— Bravo! Bravo!— зааплодировал премьер-министр.

Свифт повернулся к жене и прошептал:

— Интересно, для чего Макуайт потихоньку пригласил сюда этого доморощенного артиста? Можно ли было предполагать, что на званом обеде в посольстве нам придется смотреть на какие-то шутовские трюки!

Полковник Хилландейл встал и поднял руку.

— Леди и джентльмены, откровенно говоря, я не люблю давать сеансы хиромантии публично. Читая по линиям руки, я должен говорить все, что вижу. Но иногда мое сообщение носит такой характер, что не каждый захочет посвящать в него других. Я обязан заблаговременно предупредить вас об этом.

— Начните с меня, полковник,— саркастически улыбаясь, предложил Свифт, протягивая руку.— Мне нечего скрывать. Давайте, я вас вызываю.

Они сели у лампы. Полковник положил руку Свифта к себе на колено и распрямил его пальцы. Присутствующие столпились вокруг них.

— Когда вы родились?— спросил полковник.

— А это вы мне скажите, господин прорицатель! Полковник пристально посмотрел на руку Свифта и мягко, без упрёка, сказал:

— Я знаю: вы родились 28 апреля 1913 года в городе Санта-Клара, штат Калифорния. Я надеялся узнать от вас точно час и минуту вашего рождения, поскольку это помогло бы мне. Но неважно. Поверенный в делах молчал.

— Вы происходите из бедной семьи. Ваш отец содержал бар. Я не очень уверен в этом, но линии указывают на то, что он обанкротился и бросил вашу мать.

Миссис Свифт прерывисто перевела дыхание.

— Вы хотели стать врачом,— продолжал полковник,— но не выдержали вступительные экзамены в медицинскую школу. Вы ушли с третьего курса колледжа, потому что...— Полковник поднял голову, заметил мучительную тревогу на лице миссис Свифт и, не окончив начатую фразу, заговорил о другом.— Вы устроились управляющим делами фирмы по торговле земельной собственностью и служили там до 1944 года, пока один из ваших клиентов не получил крупный пост в Вашингтоне. Он взял вас с собой в качестве управляющего де-

² Туба — крепкое вино, приготовляемое из перебродившего пальмового сока.

лами, и вы часто выполняли его небольшие поручения по связи с конгрессом. Затем перешли в государственный департамент на такую же работу. Нынешний ваш пост — первый за границей. Как видно по линиям руки, вы не любите читать — я имею в виду книги, журналы и газеты, — но обладаете способностью быстро просматривать доклады и схватывать их суть. В этом ваше огромное преимущество. Вы терпеть не можете, когда вас ругают — так говорят линии вашей руки, а если это случается, вымещаете свои неприятности на жене. Я легко мог бы сказать вам, что произойдет с вами в будущем, но поскольку вы отказались сообщить мне точное время рождения, то...

Свифт начал было говорить, когда он родился, но полковник Хилландейл выпустил его руку и перешел к следующему гостю.

— Мне очень хочется, чтобы вы погадали мне, но я предпочел бы сделать это с глазу на глаз, — заявил премьер-министр.

— Пожалуйста, ваше превосходительство, — отозвался филиппинский посол. Он взял премьер-министра под руку и провел его в кабинет. «Джазист» последовал за ними.

Хилландейл и премьер-министр закрылись в кабинете и пробыли там полчаса. О чем они говорили, никто из гостей так и не узнал. Вышли они из кабинета под руку, причем премьер-министр посматривал на «джазиста» с явным благоговением.

Слуга доложил, что обед подан, и все направились в столовую наслаждаться прославленным поварским искусством Анри. Обед был превосходным, а разговор за столом — оживленным и остроумным. Основной темой беседы были хиромантия и астрология. Филиппинский посол мысленно взял на заметку, что он в большом долгу перед «джазистом» и обязан чем-то вознаградить его.

Через три дня посол Макуайт вернулся в Хайдо. Он бодро вышел из самолета и увидел своего заместителя Джорджа Свифта.

— Как дела, старина? — спросил он, положив руку ему на плечо. — Все в порядке? Ну и видик у вас! Словно вы выдержали бой из пятнадцати раундов с чемпионом мира по боксу. Кто вас украсил таким фонарем?

— Этот ваш опереточный полковник из Манилы, — ответил Свифт и побагровел от гнева.

— Хилландейл?

— Да, сэр. Я подготовил вам на подпись официальное письмо, в котором вы объявляете ему выговор...

— Расскажите, что произошло.

Свифт рассказал.

Вернувшись в посольство, Макуайт первым делом послал за Хилландейлом. Он встретил полковника весьма сурово и сухо и потребовал, чтобы тот рассказал свою версию ссоры со Свифтом.

— Все это началось так, сэр, — ответил полковник. — Вы позвольте мне сесть и закурить?

— Пожалуйста. Но заранее могу вам сказать, что, по-видимому, вас ждут крупные неприятности.

И полковник Хилландейл поведал послу причины появления синяка под глазом у Джорджа Свифта.

— Вначале, сэр, — начал полковник Хилландейл, — я должен сообщить вам, на каком фоне все это происходило. Дело в том, что к сердцу каждого человека и каждого народа имеется свой ключ. Используя подходящий ключ, вы можете направить любого человека и любую страну по тому пути, который считаете нужным.

Таким ключом к Сархану, как и к некоторым другим странам Юго-Восточной Азии, являются хиромантия и астрология. Для того чтобы понять это, достаточно пройти по улицам и взглянуть на салоны хиромантов и астрологов. Людей, которые занимаются хиромантией и астрологией, называют здесь докторами, и все относится к ним с уважением. Во всех сарханских университетах существуют кафедры хиромантии и астрологии, а сам премьер-министр — доктор теософии.

В Азии есть много такого, чему азиаты придают большое значение, чем владеют с большим искусством и о чем мы в США знаем крайне мало. Сюда относятся хиромантия и астрология.

Сарханские чиновники никогда не примут решения по тому или иному важному вопросу, не посоветовавшись предварительно с доктором теософии. Вскоре после моего приезда один из хорошо известных астрологов объявил, что восемнадцатого числа в Сархане умрет некий «высокопоставленный человек». И вы знаете, сэр, почти все чиновники в Сархане, занимающие сколько-нибудь ответственные посты, не решились оставаться в этот роковой день в своей стране и бежали семнадцатого числа в Рангун. Уехали даже король и премьер-министр. Сарханцы в таких вопросах не стесняются — они не скрывают, что верят в предсказания.

Я, сэр, интересуюсь хиромантией и астрологией, изучал их в Китае, а сейчас занимаюсь ими в свободное время. Сразу же после приезда сюда я понял, что располагаю познаниями, которые можно с успехом использовать в интересах США.

Просьба дать сеанс хиромантии, с которой обратился ко мне на обеде филиппинский посол, оказалась мне ниспосланной самим богом благоприятной возможностью. Присутствовала вся руководящая верхушка Сархана, за исключением короля. Но этот тупица — ваш помощник, вместо того чтобы помочь мне, начал высмеивать меня. Будь у него в голове хоть немного мозгов, он заметил бы, насколько серьезны были сарханцы. Если бы болваны из государственного департамента соответствующим образом проинструктировали его, он должен был бы еще до приезда в Сархан знать все, что нужно знать о хиромантии и астрологии.

— Но Джордж Свифт говорил мне, — перебил Макуайт полковника, — что вы оскорбили его...

— Он потребовал от меня прочесть, что показывают линии его руки, и я прочел. Я сказал ему правду, и он это знает.

Перед выездом в ту или иную страну я стараюсь разузнать буквально все о людях, с которыми мне придется иметь дело. Я расспрашиваю, читаю досье, навожу подробные справки. Мне известно, например, что во время пребывания в колледже вы влюбились в одну танцовщицу из бурлеска и хотели жениться на ней. Ваши родители пригрозили, что отрекутся от вас...

— Речь идет сейчас не обо мне, — снова прервал его Макуайт. — Я жду, когда вы наконец объясните появление синяка под глазом у моего заместителя.

— Ну вот. Премьер-министр попросил меня прочесть, что говорят линии его руки. Вполне естественно, я знал прошлое премьер-министра, но рассказал ему все так, словно только что прочел по руке. Любой человек поражается, когда вы начинаете рассказывать ему интимные подробности его молодости.

Когда я сказал премьер-министру, что он готовится в кругосветное путешествие на шесть месяцев, он подскочил от удивления.

Вы, сэр, конечно, ничего об этом не слышали. В нашем посольстве вообще никто ничего не знает, пока под носом у ваших сотрудников не разорвется бомба — прошу прощения за откровенность. Примерно с неделю назад, проходя мимо резиденции премьер-министра, я заметил, что его слуги проветривают за домом мебель и натягивают на нее парусиновые чехлы. Я потихоньку навел справки и узнал, что его превосходительство собирается в кругосветное путешествие. Затем в авиакомпании я узнал, когда он уезжает и кто будет сопровождать его, хотя эти данные хранились в большом секрете.

— Что ответил вам премьер-министр, когда вы сказали ему, что он отправляется в путешествие? — поинтересовался Макуайт.

— Он удивился и спросил, не скажу ли я, почему он хочет поехать в это путешествие. Ну, я ведь знаком с местной политической обстановкой и ответил, что два человека — его старые друзья — спорят, кто из них должен стать его ближайшим помощником, а он не знает, кому отдать предпочтение. Вот он и отправляется в путешествие, чтобы оттянуть решение.

— Что же он сказал вам?

— Он прошелся несколько раз по комнате, обливаясь потом, совсем как европеец, а затем спросил у меня имена этих людей. Я ответил, что по линиям его руки нельзя прочесть имена и что я вообще слишком недавно в Сархане, чтобы научиться правильно произносить фамилии чиновников. Но я могу, читая по линиям руки, рассказать об интересующих его людях. Так я и сделал. Я сообщил ему, что один из них низенький, изнуренный человек, страдающий болезнью печени. Другой — крупный мужчина, с багровым лицом. Премьер-министр снова походил по комнате, весь в поту, а затем со стоном сел и спросил меня, кого из них он должен убить.

Макуайт даже подскочил.

— Боже мой, так вы говорили ему о генералах Сау и Бхакале?

— Да, сэр.

— Ну и что же вы ответили ему?

— Я не знал, какой ответ окажется более правильным с точки зрения наших интересов в Сархане, и потому сказал, что убийство любого из них является ошибкой и что такому набожному буддисту, как он, вообще не следовало бы задавать подобных вопросов. Затем я высказал предположение, что, возможно, он поступил бы умнее, если бы уехал не сам, а отправил куда-нибудь этих двух людей.

— Да?! Черт побери, около часа назад сарханцы объявили, что Сау направляется в Америку чрезвычайным и полномочным послом, а Бхакал в том же ранге едет в Россию. Оба они выезжают на будущей неделе.

— Перед тем как гости начали расходиться, — продолжал полковник, — ко мне подошли премьер-министр и министр иностранных дел и спросили, не смогу ли я погадать по руке королю и составить его гороскоп. Я ответил, что сочту за величайшую честь и прочее и прочее и что готов к услугам короля в любое время дня и ночи, когда это будет удобно его величеству.

— Как вам известно, сэр, — заявил полковник Хилландейл, начиная волноваться, — китайская коммунистическая армия сосредоточивается у северной

границы Сархана. Если бы мне удалось повидаться с королем, я сказал бы, что звезды повелевают ему направить королевскую сарханскую армию в северную часть страны на маневры. Если бы так случилось, коммунисты расценили бы этот шаг сарханцев как явное доказательство того, что Сархан безусловно придерживается проамериканской и антикоммунистической политики. Это явилось бы поражением коммунистов и огромной пропагандистской победой для нас во всей Азии. И я убежден, сэр, что король поступил бы согласно повелению звезд.

— Что же было дальше? — спросил Макуайт.

— Перед тем как мы начали расходиться из филиппинского посольства, премьер-министр подошел к себе Джорджа Свифта.

— Господин поверенный, — сказал он. — Мой друг, полковник, будет гадать его величеству королю. Но у нас в Сархане подобная процедура проводится в соответствии с очень строгим этикетом. Требуется полная официальность. Вы, господин поверенный, должны лично позвонить по телефону заведующему протокольным отделом — присутствующему здесь принцу Мойяну — и сообщить ему, что полковник Хилландейл принимает приглашение его величества короля погадать по линиям руки и составить его гороскоп.

— Понимаю. Я все прекрасно понимаю, сэр, — ответил Свифт.

— Когда вы позвоните принцу Мойяну, — сказал премьер-министр, — он назовет вам точное время и место аудиенции, а также расскажет о всех других деталях, которые нужно будет знать полковнику, прежде чем явиться в королевский дворец, включая и вопрос о костюме.

— Я все прекрасно понял, — вновь заверил Свифт, — и лично позвоню принцу Мойяну завтра в девять часов утра, если это удобно для него.

— Вполне удобно, — ответил принц Мойян. — Я буду ждать вашего звонка завтра в девять часов. После этого гости разошлись.

Перед тем как уходить, Свифт сказал мне:

— Завтра утром вы должны ждать звонка у себя дома. Я свяжусь с вами сразу же, как только переговорю по телефону. Но, прежде чем сообщить вам подробности разговора, я хочу обсудить его со своими сотрудниками. Не уходите из дому — я позвоню вам вскоре после девяти часов.

— Слушаюсь, сэр, — ответил я и ушел.

Я отправился домой в прекрасном настроении. Мне казалось, что все идет как нельзя лучше и что я хозяин положения. Конечно, я заранее составил гороскопы всех важнейших сановников Сархана, включая и гороскоп короля. Раздеваясь и ложась спать, я представлял себе, как все произойдет. Не исключалось, что мне придется побывать во дворце раза два-три, чтобы обработать своего нового друга. Во время первого сеанса я намеревался рассказать ему о его прошлом. Мне была известна интересная история о том, как в 1928 году он пытался соблазнить племянницу сиамского короля, что едва не привело к войне. Эту историю я узнал от смотрителя дома, в котором живу. Во время первого сеанса я бы познакомился с королем, оценил его как человека, изучил, как он реагирует на факты. Для хироманта и астролога очень важно в совершенстве знать своего клиента.

Позднее я предполагал постепенно перейти к разговору о военном и политическом положении, причем так, чтобы король сам спросил, какие меры он должен предпринять в этой критической обстановке, или хотя бы задал вопрос, что ему пове-

левают сделать звезды. Я вполне допускал, что, если все пойдет гладко, мне будет достаточно и одного сеанса для достижения своей цели.

На следующее утро я встал рано, так как все же волновался и хотел как можно лучше подготовиться. Я даже заранее разложил все свои костюмы, чтобы без задержки выбрать нужный, если мне придется мчаться во дворец, скажем, в десять минут десятого. Завтракать я не пошел, опасаясь, что Свифт позвонит и не застанет меня дома, и ограничился двумя бутылками теплого пива и банкой колбасы из своих неприкосновенных запасов. В ожидании телефонного звонка я буквально не находил себе места. В десять минут десятого никто не позвонил. Не было звонка и в десять часов. Я выпил еще две бутылки пива. Когда наступило одиннадцать часов, а телефон по-прежнему продолжал молчать, я понял, что произошло что-то неладное. Ждать дольше я не мог и, позаимствовав у рассыльного мотоцикл, помчался в посольство к Джорджу Свифту.

Свифта не оказалось на месте, но его секретарша, перепуганная девушка по фамилии Макинтош, увидев меня, воскликнула:

— Ах, полковник Хилландейл, уже в течение целого часа мы повсюду вас разыскиваем!

Я ответил ей, что все утро, как мы и условились со Свифтом, ни на минуту не выходил из дому.

— Бог мой! — воскликнула девица. — Куда только я не звонила, а позвонить вам на квартиру не догадалась!

— Мистер Свифт разговаривал по телефону с принцем Мойяном?

— Вы знаете, — ответила мисс Макинтош, — мистеру Свифту пришлось отправиться в магазин с миссис Свифт. У них кончились запасы вина, а сегодня днем ожидается прибытие заместителя государственного секретаря, в честь которого они устраивают вечером прием. Мистер Свифт решил, что он должен лично помочь своей супруге сделать покупки, так как винный магазин сегодня не торгует, и, если он не пойдет туда, они останутся без вина.

— Так он не звонил принцу Мойяну в девять часов?

— Нет, сэр. Он позвонил мне из магазина и велел поговорить по телефону с принцем Мойяном.

— И вы звонили ему?

— Да, сэр, я позвонила ему примерно в десять минут одиннадцатого.

— И что вам сказал принц?

— Да все получилось как-то непонятно. Видите ли, я не совсем уяснила со слов мистера Свифта, о чем идет речь. Поэтому, когда принц Мойян подошел к телефону, я сказала ему, что вы, полковник Хилландейл, с удовольствием принимаете приглашение присутствовать на приеме, который его величество король устраивает в честь заместителя нашего государственного секретаря.

— И что ответил принц Мойян?

— Он спросил, кто с ним говорит.

— И?

— Я сказала, что говорит секретарь мистера Свифта.

— И что дальше?

— Понимаете ли, сказала мисс Макинтош, — он как-то странно ничего не сказал, а просто повесил трубку.

Я понял, конечно, что мы жестоко оскорбили сарханцев. Мы не только не воспользовались ключом, который у нас был, но сами захлопнули перед

собой дверь. Не теряя надежды исправить положение, я полетел в канцелярию принца Мойяна, чтобы лично принести извинения. Однако его секретарь вежливо сообщил мне, что принца сейчас нет в городе.

Позднее в тот же день я встретил Джорджа Свифта. Прежде чем я успел что-либо сказать ему, он извинился, что забыл позвонить принцу Мойяну в девять часов.

— Знаете, — сказал он, — сюда едет заместитель государственного секретаря, и цель его приезда — проверка нашей работы. Должен же я позаботиться, чтобы к его приезду было все готово.

— Да, кстати, — добавил он, — я хорошо сделал, что побывал в магазине. Нам только что сообщили, что премьер-министр, министр иностранных дел и принц Мойян заболели, так как накануне съели что-то недоброкачественное. Никто из них не сможет присутствовать на нашем приеме в честь заместителя государственного секретаря. Вы представляете, полковник, как бы мы выглядели, если бы вдобавок к тому, что никого из них нет на приеме, у нас еще не оказалось бы и ужина? Так что уж не сердитесь на меня.

— Боже мой! — воскликнул я. — Но ведь вчера вечером я сказал вам о своем намерении убедить короля двинуть войска на север для маневров.

— Да перестаньте вы, полковник, — ответил Свифт. — Эти ваши балаганные номера хороши для оживления скучного обеда, но когда вы начинаете заниматься большими дипломатическими вопросами...

— Тут уж я не сдержался, — признался полковник, — и влепил ему по физиономии.

После ухода полковника Хилландейла Джильберт Макуайт некоторое время сидел неподвижно, не зная, смеяться ему или сердиться. Но чем больше он размышлял, тем сильнее в нем закипал гнев. Когда в конце концов он нажал кнопку звонка и вызвал Джорджа Свифта к себе, его губы были сурово сжаты.

— Слушаю, сэр, — сказал Свифт, появляясь в дверях. На лице его отражалось предчувствие чего-то.

— Джордж, вы бывали когда-нибудь в деловой части Хайдо?

— Да, сэр.

— Вы когда-нибудь обращали внимание, как много там кабинетов хиромантов и астрологов?

— Ну, знаете, сэр! У нас в США, например, много ссудных касс, но мы же не руководствуемся в своей внешней политике тем, что говорят ростовщики.

— Вам когда-нибудь читали по линиям руки? Нет. Конечно, нет. Вы знаете, какие люди верят в хиромантию?

— Позвольте, сэр, но это же жульничество, балаганный трюк.

— Если люди верят в это жульничество, оно перестает быть таковым. Не ваше дело судить, жульничество это или нет; вы должны знать, кто в него верит, почему верит и что из этого следует. Словом, Джордж, я намерен телеграфировать в государственный департамент и просить о вашем переводе, — устало сказал Макуайт.

Свифт сощурил глаза. Он понимал, что не в силах изменить решения посла. Но вместе с тем он знал, что последнее слово еще не сказано.